

РУССКАЯ ИДЕЯ КАК АКСИОЛОГЕМА

С.Н. Кочеров

В любом обществе можно обнаружить систему ценностей, адекватную потребностям и интересам данного социума. Русский мир также имеет свои ценности, которые характеризуют его социокультурное развитие и выражают русскую идею. Эту сумму ценностей, находящихся в относительно постоянном и взаимно обусловленном отношении, можно назвать его аксиологемой. Она утверждает триединство правды, соборности и спасения.

Категория ценности является центральным понятием в теории ценностей, получившей в конце XIX в. название аксиологии. Согласно данной теории, ценность в самом общем смысле представляет соответствие объекта потребностям и интересам субъекта. В качестве объекта ценностного отношения могут выступать предметы природного мира и продукты социальной деятельности, нормы поведения и творения духа, межличностные и общественные отношения. Способом бытия ценности является значимость объекта, прочувствованная и сознаваемая субъектом. Все имеет ценность постольку, поскольку выделяется и переживается человеком, занимая определенное место в пространстве его потребностей, интересов и желаний. Поскольку ценность представляет особое отношение субъекта к объекту, она может изменяться в результате эволюции как субъекта, так и объекта. Значимость объекта способна возрастать или падать в зависимости от колебаний человеческих интересов и потребностей. Гегель утверждал, что «ценность вещи может быть очень различной в отношении к потребности» [1, с. 119]. Ценностные отношения формируются под влиянием социокультурных факторов, которые, как правило, являются переменными величинами в истории. Поэтому, если даже мы обратимся к так называемым «абсолютным ценностям», нельзя не заметить, что отношение к ним в разные эпохи было различным. Жизнь, свобода, истина, добро, красота, любовь, дружба, творчество, счастье либо не всегда признавались ценностями, либо не имели постоянной «цены». Так, в истории России можно видеть, как менялось отношение общества к государству, церкви, правящей элите, народу, как святые прежних времен подвергались критике новых поколений. Перемена ценностей происходит потому, что субъективная значимость ценности определяется посредством оценки, подверженной влиянию социально-исторической конъюнктуры. Динамическое соответствие между социальными и культурными факторами, поддерживаемое в истории общества, вызывает периодическое повышение спроса на одни объекты и падение на другие. В результате возникает социокультурное поле, в котором идет конкурентная борьба между оценочными суждениями в отношении одних и тех же объектов. Таким образом, одни и те же ценности могут вызвать различные оценки, данные в разное время одним субъектом или разными субъектами в одно время.

Правоммерно задать вопрос о том, имеем ли мы право утверждать существование «истинных» и «ложных» оценок и ценностей. Относительно возможности гносеологического подхода к оценкам как будто не должно быть сомнений. К оценочным суждениям о значимости предмета вполне может быть применимо понимание истины как адекватного отражения объекта познающим субъектом. Если человек высоко оценивает объект, который по своей природе не соответствует его интересам и потребностям, то можно сказать, что его знания о

данном объекте имеют ложный характер. Однако признание этого факта не означает, что указанный объект не обладает ценностью в глазах субъекта. Человек может ошибаться в причинах, которые доставляют ему радости или печали, но не в значениях, какие эти чувства имеют для него самого. Несмотря на обычные высказывания об «истинных» и «ложных» ценностях, исследователи не приводят логических доказательств истинности или ложности ценностных отношений. Мы не видим серьезных аргументов, подтверждающих или опровергающих причастность мира ценностей к истине, хотя сама истина причастна к миру ценностей. Однако это не означает, что у нас нет никаких объективных оснований для того, чтобы оценивать различные системы ценностей. Как отдельный человек принадлежит к определенному обществу, так и конкретное общество является составной частью всего человечества. В результате исторического взаимодействия между этими мирами, в конкуренции различных интересов и потребностей, значений и оценок формируется система общечеловеческих ценностей, которая, в идеале, должна в наибольшей степени благоприятствовать развитию всех и каждого. Хотя этот процесс еще далек от своего завершения, только такая универсальная система может быть принята в качестве основы для оценки всех ценностных отношений. Именно ее общезначимость, то есть соответствие потребностям и интересам всех людей, делает ее объективной.

Но если этой системе общечеловеческих ценностей предстоит обрести четкие очертания в будущем, то практически в каждом обществе можно обнаружить более или менее оформленную систему ценностей, адекватную потребностям и интересам определенной социальной группы, общественного слоя или всей нации в целом. Русский мир также имеет свои ценностные предпочтения, которые отражают особенности его социокультурного развития. Мыслители, писавшие о русских ценностях, как правило, были едины в том, что постулировали их крайне противоречивый характер. Так, Н.А. Бердяев утверждал, что русскому народу присущи «деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» [2, с. 8–9]. При такой гремучей смеси райского эфира и адского пламени довольно сложно вести речь о единой системе ценностей. Однако мы полагаем, что из ценностей Русского мира можно выделить такие духовные константы, которые позволяют представить его как неповторимую историческую и культурную реальность. Их сочетание, которое задает имманентную основу духовного развития этого мира и представляет инвариант вариантов эманации его культуры, характеризует, на наш взгляд, русскую идею в ее ценностном выражении. Эту совокупность ценностей, находящихся в относительно постоянном и взаимно обусловленном отношении друг к другу, можно назвать *аксиологемой* (по аналогии с теоремой, философемой, мифологемой, стратегемой и т.д.). Какие же ценности составляют духовные основания Русского мира и определяют аксиологию русской идеи?

Все основные эпохи российской истории обладают своим набором ценностей, значением и смыслом, но в каждой из них, более или менее отчетливо, проявляется стремление к идеальному состоянию, которое выступает индикатором социокультурной идентичности русского народа, российской нации,

«братской семьи народов». Это стремление, характеризующее русскую идею как *смысл истории России*, в конечном счете должно привести к совершенному обществу, которое наделялось разным содержанием и описывалось с помощью различных понятий – религиозных, нравственных, политических. В истории российской культуры оно представало в образах «Нового Иерусалима» и «Святой Руси», в доктрине «Москва – Третий Рим», в идеях панславизма и коммунизма. При всех различиях между этими проектами в них может быть выделено нечто общее. Таким общим началом, на наш взгляд, является устойчивое сочетание основных ценностей, которые характеризуют каждую из этих проекций совершенного общества. Основными ценностями Русского мира в его идеальном состоянии являются *правда* как синтез *истины* и *справедливости*, *соборность* как гармония *свободы* и *единства*, *спасение* как примирение *обособленности* и *всемирности*.

Правда – это основополагающая ценность русской культуры, что было отмечено многими мыслителями. Например, Д.С. Лихачев говорил о присущей русской литературе «особой правдивости», для которой характерно стремление во всем дойти «до крайней точки». А.И. Солженицын писал, что по своему идеалу русские тяготеют к такому обществу, в котором люди «должны прежде всего преследовать не интересы, а стремление к правде отношений» [3, с. 111]. Правда как ценность выполняет императивно-контрольную функцию, выступая в качестве должного, которому следует подчиняться, и критерия, с которым необходимо сверять общественную и личную жизнь. Неслучайно показателем социального и нравственного неустройства в России служит повсеместное убеждение в том, что «нет в жизни правды». Вместе с тем по мере усложнения культуры, происходит дифференциация разных значений правды, связанная с выделением и осмыслением ее нравственного, религиозного, политического и правового аспектов, что в отечественной традиции получает форму антиномии истины и справедливости.

Истина как адекватное отражение действительности, как положительное знание о предмете открывается в теоретической деятельности. В отличие от истины, которая представляет собой «правильное» знание, справедливость является «правильным» отношением. Справедливость как отношение к людям и миру, как мировоззренческая позиция проявляется в жизненной практике. Заслуживает внимания, что в российской культуре, в отличие от западной, ведущим направлением в «снятии противоречия» между истиной и справедливостью стало не достижение «исторического компромисса» между знанием и отношением, а искание создающей гармонию между ними правды. Выражая эту потребность, известный русский социолог XIX в. Н.К. Михайловский отмечал: «Всякий раз, как мне приходит в голову слово «правда», я не могу не восхищаться его поразительною внутреннею красотой. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое» [4, с. 74]. Однако для того, чтобы осуществилась высшая гармония истины и справедливости, соединяющая их правда должна выйти за пределы личностно-общественных отношений и национально-государственных границ.

Именно в этом заключается, на наш взгляд, смысл известного высказывания Ф.М. Достоевского, что «правда выше народа и выше России». Неотъемлемым атрибутом такой правды является ее всеобщность, обращенность ко всем людям и народам. Характерно, что Н.А. Бердяев был убежден, что «миссия русского народа

сознается как осуществление социальной правды в человеческом обществе, не только в России, но и во всем мире» [5, с. 120–121]. Но если правда является всеобщей, то ее должны осознать и признать все люди. В этом общем понимании правды и желании жить по правде, в сущности, и заключается главный способ ее проверки, специфичный для российской культуры. Главным признаком такой «всеобщей правды», в идеале, становится то, что она не может быть навязана силой, но должна быть принята по общему согласию и во взаимной любви. Так правда вступает во взаимосвязь с другой важной ценностью Русского мира – *соборностью*, которая, получая идеологическое обоснование от правды, дает психологическое обоснование ей самой.

Соборность – это системообразующая ценность российской культуры, которая выполняет интегрирующую функцию в сообществе людей, желающих принять общую правду. Соборность есть гармония свободы и единства людей, она мыслится как «свобода в единстве» и «единство в свободе» и достигается на основе взаимной любви. Даже русские религиозные мыслители, развившие учение о соборности, придерживались разных мнений о ее воплощении в тех или иных исторических общностях. Так, А.С. Хомяков полагал, что соборность представлена в христианской церкви, но не как социальном институте, а как всемирном сообществе христиан. Именно там, согласно философу, существует «единство свободное и органическое, живое начало которого есть Божественная благодать взаимной любви» [6, с. 20]. С.Л. Франк находил примеры соборных отношений в семье, церкви и «братстве», которое возникает в результате дружбы, службы и т.д. Вячеслав Иванов, напротив, считал соборность неким идеальным состоянием. «Соборность, – писал он, – задание, а не данность, она никогда еще не осуществлялась на земле всецело и прочно, и ее также нельзя найти здесь или там, как Бога» [7, с. 100].

По всей видимости, соборность – это все же «задание, а не данность», поскольку она предъявляет такие требования, которые осуществимы только в малых сообществах, где все хорошо знают, дорожат и помогают друг другу, да и то в полном объеме их могут выполнить лишь отдельные личности. Например, Ф.М. Достоевский замечал: «Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего не может и сделать другого из своей личности, то есть никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями» [8, с. 79]. Но хотя великий писатель считал это законом природы и полагал, что к этому влечет любого нормального человека, приходится признать, что даже в наше просвещенное время редкие люди поднимаются в своем развитии до этого «нормального» состояния. Можно предположить, что соборность стала одной из главных ценностей русской культуры именно потому, что, как сказал В.В. Розанов, «для всякого народа в унижении» [9, с. 347] спасительна мечта о всеобщем братстве. Считая соборность свойством русской религиозности, Н.А. Бердяев связывал ее воплощение с реализацией русской идеи как идеи братства людей и народов, для чего еще необходимо пережить эпоху святого Духа. Отнесение наступления соборности на неопределенное будущее характерно и для некоторых современных российских мыслителей, которые называют ее «категорией всемирного единения», а предтечами ее считают «предчувствие общей беды и мысль о всеобщем спасении» [10, с. 24, 25].

Спасение – это целеполагающая ценность российской культуры, указывающая высшее состояние, ради достижения которого даже несовершенное земное сообщество может оказаться способным к соборному единению. Символично, что именно в русской религиозной философии была высказана поразительная мысль о том, что даже пророчество об Апокалипсисе, ясно выраженное в книгах Ветхого и Нового завета, имеет не неизбежный, а условный характер. «Будет ли кончина мира катастрофой, – пишет один из самых оригинальных отечественных философов, – или же мирным переходом, без войн, без естественных бедствий, – это зависит от того, останутся ли люди противниками воли Божией, останутся ли они в состоянии вечной вражды или же, объединясь, станут орудием воли Божией в деле обращения разрушительной силы в воссоединительную» [11, с. 158]. В российской философской и художественной литературе, посвященной данной теме, спасение в основном трактуется в контексте преодоления смертности человека, как победа его духа и тела над смертью (Н.Ф. Федоров, Л.Н. Толстой, Л. Андреев, А. Платонов, а из современных авторов – Л.В. Карасев и В.Ш. Сабиров). Эта идея имеет глубокое основание в русской религиозной культуре, поскольку именно в православии главным праздником христианства считается Пасха, т.е. день Воскресения, а не день Рождества Христова, как у католиков и протестантов. Однако есть и другая концепция спасения как «Общего дела», укорененная в не менее глубоких основаниях русского православия – в его эсхатологии, в представлениях миллениаризма, в истовой вере в «тысячелетнее царство» праведников на земле, в историческое воплощение идеала справедливости.

Это понимание спасения, на наш взгляд, более аутентично как русской народной культуре, проникнутой духом хилиазма, так и идее «Москва – Третий Рим» и учению о коммунизме (в его российской интерпретации). Такое всеобщее и окончательное спасение потому столь подходит для Русского мира, что в нем находит разрешение характерное для него противоречие, состоящее в одинаково сильном стремлении к обособленности и всемирности. Заметим, что Россия играла поистине великую и никем неоспоримую роль в истории только тогда, когда она выступала спасительницей человечества от угрозы земного Апокалипсиса. Так было, когда она обескровила монгольскую орду, грозившую растоптать Европу, или защитила мир в войне с наполеоновской Францией и гитлеровской Германией. Конечно, можно скептически оценивать известные попытки России представить свою миссию в том, чтобы спасти цивилизацию Запада, якобы гибнущую от рационализма, формализма и бездуховности. Следует признать, что нашей стране пока не удалось возвыситься до такого социально-нравственного состояния, при котором она могла бы «светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорытием, светом...» [12, с. 81]. Но хотя Россия исторически не смогла осуществить ни панславянский, ни коммунистический проект, идеал был действительно всемирным – создать наилучшую форму человеческого общежития, показать пример братства людей и народов.

Такова, на наш взгляд, аксиологема Русского мира, определившая аксиологию русской идеи, что утверждает *триединство правды, соборности и спасения*. В то же время каждая из указанных ценностей соответственно представляет синтез истины и справедливости, свободы и единства, обособленности и всемирности. При этом следует иметь в виду, что своеобразие данных ценностей состоит не

столько в их уникальности и специфичности для российской культуры, сколько в оригинальном их понимании и сочетании друг с другом. Каждая значимая культура имеет свои ценностные приоритеты, в конкуренции и взаимодействии которых формируется система общечеловеческих ценностей. Русская идея – это вклад российской культуры в мировоззренческое и ценностное содержание мировой культуры. Поскольку каждый народ принимает лишь определенное участие в жизни человечества, ни один народ не должен требовать от других признания абсолютного значения его культуры. Вместе с тем его участие в общечеловеческой жизнедеятельности предполагает принятие определенной ответственности за нее, которую не могут взять на себя остальные народы. Все дело в том, что, как писал В.С. Соловьев, «для осуществления этого национального призвания нам не нужно действовать *против* других наций, но с ними и *для* них, – в этом лежит великое доказательство, что эта идея есть идея истинная» [13, с. 246].

Конечно, сложно производить философский анализ идей, формирующих мировоззрение народа и определяющих призвание страны. С одной стороны, исследователю грозит «невроз уникальности», в который он может впасть, уверовав в абсолютное отличие своей родины от других стран и народов. С другой стороны, ему следует опасаться «мании универсализма», объясняющей несомненные различия между культурами и цивилизациями прежде всего «развитостью» одних и «незрелостью» других. Русская идея как мировоззренческое понятие рождается и получает развитие в ответ на вызов со стороны в то время более сложных и более развитых культур (сначала византийской, затем западноевропейской). Так, в средние века возникают идеи «Нового Иерусалима», «Святой Руси» и «Москвы – Третьего Рима», а в XIX–XX вв. панславянский и коммунистический проект. За исключением периодов усвоения западных институтов и теорий, нередко принимавших характер внешнего подражания (петровские реформы, правления Екатерины II и Александра I, реформы 90-х годов прошлого века), Русский мир либо тяготел к обособленному существованию, либо звал за собой другие народы на построение более совершенного мира. Возможно, именно в этом и заключается *судьба России*, которая состоит в обдумывании и высказывании *нового слова* миру.

В заключение нужно заметить, что вокруг русской идеи нагромождено множество мифов, созданных как патриотами и друзьями России, так и ее врагами и русофобами. В свое время философ Е.Н. Трубецкой признал заблуждение русских религиозных философов, много размышлявших о русской идее: «Увлечение Россией воображаемой помешало нам рассмотреть как следует Россию действительную и, что еще хуже, русскую национальную идею; духовный облик России хронически заслонялся фантастической грезой «народа-богоносца» [14, с. 255]. Этот урок необходимо усвоить современным идеологам, публицистам или политикам, пускающимся в рассуждения на тему, какой должна быть идея для России. Подобно тому, как тайну «святого семейства» можно найти только в бытии земной семьи, так и русскую идею следует искать прежде всего в реалиях жизни, событиях истории и ценностях культуры.

Л и т е р а т у р а

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.

2. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н.А. Русская идея. Харьков; М., 1999.
3. Солженицын А. Красное колесо // Наш современник. 1990, № 11.
4. Цит. по: Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.
5. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
6. Цит. по: Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994.
7. Иванов В. Родное и вселенское. М., 1994.
8. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1984. Т. 5.
9. Розанов В.В. Среди художников. М., 1994.
10. Гулыга А. Русская идея и ее творцы. М., 1995.
11. Федоров Н. Об условности пророчеств о кончине мира // Федоров Н. Философия общего дела: В 2 т. Т. 2. М., 2003.
12. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877. Ноябрь // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. Л., 1972–1984.
13. Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1989.
14. Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианиззм // Русская идея. М., 1992.

In any society it is possible to find out the system of values adequate to needs and interests of this society. Russian world has also its values which characterize its sociocultural development and express Russian idea. This sum of the values which concern each other relatively constant and mutually caused can be name axiologem. It states the union of three categories: the truths, the sobornost and the rescue.